

Е.А. Резван. Коран и его мир. СПб., 2001. 608 с.

Прикасаются к нему только очищенные

Коран, 56: 78

Главным свидетелем точки отсчета мусульманской истории, ее фундаментом и истоком безусловно является Священная книга мусульман – *ал-Кур'ан*/Коран. Все, что так или иначе касается *ал-Кур'ана* – “мира Корана”, всегда было под пристальным вниманием мусульманской общины. Тем самым на плечи исследователя ложился огромный груз ответственности. Священный текст требует от изучающего серьезного научного багажа и терпения, взыскивает с вдохновенного им человека чистоту помыслов и преданность предмету изучения.

На мой взгляд, все эти черты так или иначе отражены в рецензируемой книге.

Структурно книга складывается из “Предисловия”, “Введения”, трех основных частей, поделенных внутри на главы, и четырех приложений, а также снабжена превосходным “Путеводителем по Корану” Т.К. Ибрагима и Н.В. Ефремовой и всеми атрибутами серьезного научного издания: таблицей системы принятой в книге транскрипции, семью указателями (имен указателями, названий династий, названий религиозных философских течений, географических и топографических названий, этнических названий, упомянутых сочинений, периодических изданий, терминов и коранических цитат) и 8 картами. Книга прекрасно издана, богато иллюстрирована (более 100 черно-белых и 16 цветных иллюстраций), к ней прилагается CD с записью разных стилей рецитации Корана и цветных воспроизведений фрагментов иллюминированных Коранов из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения.

В “Предисловии” автор вкратце заявляет темы, которые раскрывает каждая из трех основных частей книги, объясняет обстоятельства их появления, формулирует основные задачи исследования: “снабдить читателя новейшей информацией, основанной как на самостоятельном изучении источников, так и на важнейших исследованиях, опубликованных в последние годы” и “наметить пути решения ряда проблем, имеющих сегодня для коранистики первостепенное значение” (с. 10).

В первой части “Введения” приводятся данные об Аравии и ее населении конца VI – начала VII в. (природа, климат, экология, демография, культура, религия, особенности социально-экономического уклада), сообщаются сведения о жизни Мухаммада до получения им откровения свыше.

Далее автор наряду со “статистикой” Корана и его структурой (общее количество сур и аятов, количество в них слов, деление текста на части и объединение сур в группы и пр.) дает базовую информацию: определяет само понятие *ал-Кур'ан*, выделяет своеобразие языка текста Корана, его роль в качестве особого рода исторического источника и источника сакрального, вводящего для последователей новой религии принципиально новые отношения: человек–Единый Бог и человек–человек.

В первой части книги – “Аравия, Коран, Мухаммад” – автор обрисовывает различные подходы, применявшиеся в западноевропейской коранистике для анализа текста Корана, и разъясняет преимущества метода контекстового анализа его терминологии, который используется в монографии и который был впервые введен в научный оборот в середине 1920-х годов практически одновременно в СССР и за рубежом. Однако годы атеистического лихолетья и по-разному сложившаяся судьба отечественных разработчиков метода не дали воспользоваться им в полной мере.

Далее данный метод показан в действии. С его помощью автор демонстрирует семантические поля нескольких групп этносоциальных и религиозных терминов, восстанавливая по ним видимо приближенную к реальности картину времен становления мусульманской общины. Как узнать, понимаем ли мы под тем или иным кораническим термином то же, что вкладывалось в него устами Пророка свыше? И самое главное, как это доказать? Огромное количество толкований к Корану говорит о том, что эта задача далеко не тривиальная и для мусульманской общины в том числе.

Так, предпринимаемый в монографии контекстовый анализ слова *сура*, происхождение которого до недавнего времени коранистика возводила к сирийскому *surtā* (“линия”, “почерк”, “письмо”), доказывает, что такое истолкование не соответствует действительности. Что уж говорить о более сложных социальных терминах: прорицатель, “пассивный” и обладающий силой самому запрашивать божество, племенной оратор, поэт и т.д. С помощью метода контекстового анализа в первой части монографии в целом разработано несколько десятков этносоциальных и религиозных терминов, во многом отразивших сложные процессы, имевшие место в Аравии на рубеже VI–VII вв.

Во второй части работы – “После Пророка”, состоящей из трех глав, речь сначала идет о проблемах, связанных со сменой носителя коранического текста: память человека – бумага. Здесь рассматриваются различные вопросы фиксации текста, попыток его унификации и установления инварианта рецитации, внедрения системы диакритических знаков и т.д. Все эти задачи диктовались потребностью мусульман-

ской общины в однозначном понимании Священного текста для избежания возможности ее наметившего раскола.

В дальнейшем автор останавливается на том, как такой переломный период отразился в ранних списках Корана и какую информацию о нем можно почерпнуть, сличая эти списки: выявление двух культурно-политических центров в Аравии с различными традициями оформления и переписки текста, различные системы деления на айаты и их нумерации, появление нескольких списков "Корана 'Усмана" и многое другое свидетельствуют о том, что процесс занял целую эпоху и сопровождался революционным развитием мусульманской культуры в попытке самоидентификации и выделения себя на фоне соседствующих христианской и иудейской культурных традиций. Все сказанное иллюстрируется в книге 14 таблицами, каждая из которых имеет свои критерии сличения ранних списков Корана и отражает как поэтапную эволюцию текста, так и проделанную автором работу в этом направлении.

Вопрос, разбираемый во второй части книги, касается появления огромного числа толкований (*тафсиров*) к уже официально утвержденному тексту Корана и становления науки его толкования, что диктовалось в первую очередь необходимостью самоидентификации, защиты собственного взгляда на божественный закон и, если угодно, законами конкуренции в ходе формирования многочисленных мусульманских догматико-правовых школ и направлений.

Завершается вторая часть книги анализом многофункционального использования текста Корана в практических нуждах: магия и гадание, талисманы и обереги, оружие и украшения, роспись на одежде и памятниках архитектуры, разного рода молитвы и т.п. Автор показывает, как присутствие Корана в жизни индивида и общества постепенно приобрело тотальный характер: человек, облеченный в рубаху-Коран, мог войти в мечеть или мавзолей, стены которого несли на себе также весь текст Священной книги. Для хранения Корана заказывали специальные сундуки, часто напоминавшие своей формой мечеть или мавзолей. С другой стороны, были самым тщательным образом разработаны правила "погребения" ветхих копий Корана. Их следовало хоронить во многом так, как хоронят человека – омыть, завернуть в "саван" – чистую ткань, закопать или уложить таким образом, чтобы листов не касались пыль и грязь и люди не попирали ногами "могилу". Человек рождался и получал имя под звуки Корана, его чтением успокаивали больного и плачущего ребенка, по текстам Корана человек учился читать и писать, Коран читался при заключении брака, человека судили с помощью системы права, в основе которой лежал Коран, посредством Корана его лечили, тексты Корана, нанесенные на множество бытовых предметов, окружали человека в его каждодневной жизни, передаваемые из поколения в поколение рукописи Корана служили для записи того, что сегодня мы называем "актами гражданского состояния", чтение Корана сопровождало человека в последний путь, тексты Священной книги выбивались на надгробьях, рядом с именем ушедшего (с. 341–342).

И наконец, третья часть книги – "Записная тетрадь человечества" – состоит из двух глав ("Коран в Европе" и "Коран в России") и описывает судьбу Священной книги в переводах и изданиях на этой территории, показывая неразрывную связь истории издания, перевода и изучения Священной книги мусульман в России и Западной Европе с крупнейшими религиозно-политическими и культурными движениями, сотрясавшими мир.

Необходимо выделить несколько основных показателей профессионального подхода при обработке такого огромного объема информации, какой представлен в обсуждаемой книге. Во-первых, в монографии впервые на русском языке суммированы и проанализированы те подходы к изучению Корана, которые бытовали и бытуют сейчас в научной среде за рубежом и в России, что подтверждается обширной и многоязычной библиографией, использованной в работе. Во-вторых, эти подходы сопоставляются с выводами автора, которые основаны на методе сравнительного контекстового анализа социально-религиозных терминов, встречающихся как в Коране, так и в языковом материале, относящемся ко времени его появления. Это позволяет достаточно уверенно говорить об адекватности современного понимания порусски коранических терминов и во многом избежать навязывания значений, им не присущих. В-третьих, автором предлагаются принципиально новые пути анализа явлений, сопутствовавших появлению и становлению мусульманского канона, для чего привлекаются исследования из других областей науки. В-четвертых, и это стоит выделить особо, многие выводы автора подкреплены надежными свидетельствами, базирующимися в первую очередь на скрупулезном анализе ранних рукописей Корана, которые прежде мало привлекались в такого рода исследованиях. В-пятых, книга так или иначе охватывает все 14 веков жизни Корана, заканчиваясь современной стадией его изучения и бытования, что создает целостный образ этого памятника.

Другими словами, любой последователь автора, всерьез собравшийся заняться коранистикой, обратившись к рецензируемой книге, будет избавлен от хлопот по первичному поиску материала для исследования, по ориентации своих исследований во времени и пространстве и по поиску ключевых тем для дальнейших научных разработок. На мой взгляд, подобные работы просто обязаны появляться раз в 10–15 лет

для критической оценки проделанного за это время пути, для подведения некой черты, постановки новых задач и для поиска новых решений.

К наиболее существенным результатам, полученным автором, я бы отнес:

– определение значения рукописи Е-20 из петербургского академического собрания, как одного из важнейших из дошедших до нас ранних списков Корана. Эта рукопись, зафиксировавшая высшую точку развития одной из ранних традиций переписки Корана, может служить прекрасным примером того уровня унификации текста, которого общине удалось достичь к концу VIII в. Проведенный анализ показал, что такой уровень унификации мог быть достигнут лишь в том случае, если изначальная вариативность была не слишком велика;

– выявление специфики раннего этапа фиксации текста Корана, связанной с тем, что до середины или, возможно, до конца VIII в. параллельно развивались две школы переписки текста Корана, восходившие к двум аравийским культурным и политическим центрам, которые тяготели соответственно к Сирии и Месопотамии. Комбинация взаимосвязанных политических событий, культурных достижений и внутренних религиозных и социальных потребностей привела к постепенному вытеснению “сирийской” традиции;

– выводы автора, связанные с влиянием теории и практики суфизма на различные аспекты бытования мусульманского Священного текста на протяжении веков;

– анализ этногенетических и космогонических мифов древней Аравии, экстаической и оккультной практики, связанной с Кораном, комплекса древнеарабийских представлений и поведенческих стереотипов, исключительно важных для понимания и адекватного истолкования традиционных принципов познавательной деятельности, особенностей традиционной модели мира, соотношения идеальной нормы и реальной культовой практики;

– исследование сопровождавшей возникновение ислама трансформации родовых институтов в институты государственные, анализ комплекса поведенческих стереотипов, связанных с процессом сакрализации власти.

Особо следует отметить, что степень достоверности полученных автором результатов обеспечена значительным объемом проработанного и взаимопроверяемого материала: это и собственно текст Корана, его лексика и фразеология, доисламская и раннеисламская поэзия, сочинения средневековых и современных мусульманских авторов, эпиграфические материалы из различных районов Аравийского полуострова, архивные материалы и полевые записи, восточные и западные рукописи из различных собраний, предметы материальной культуры (изразцы, оружие, ювелирные украшения), результаты компьютерной обработки кодицилогической и палеографической информации, многочисленные статьи и монографии, связанные с изучаемой проблемой. Многие из этих материалов стали доступны автору благодаря его полевым исследованиям на Ближнем Востоке и в Средней Азии, работе в ряде крупнейших востоковедных центров Европы, Ближнего Востока, США, Японии.

В заключении мне хотелось бы отметить то небольшое, к чему можно придраться при чтении книги. На мой взгляд, необоснованной уступкой читателю выглядят непоследовательность при использовании искаженной русской транскрипции арабографических имен собственных и топонимов либо их замена на “вошедшие в известной форме в общепотребительный оборот” (с. 537). Так, если бы кто-то сказал, что “А.С. Пушкин скончался в Ленинграде в 1837 г.” или “А. Навои жил и творил в Узбекистане”, то слушателя наверняка поразил бы подобный анахронизм. Однако все как будто в порядке вещей, когда речь идет о Египте, Сирии, Мекке, Медине (вместо Миср, аш-Шам, Макка, ал-Мадина) и т.д. времен Мухаммеда, раннего и позднего средневековья, когда о таких названиях никто и слыхом не слыхивал.

Иногда не совсем последовательными, в русле современной политической конъюнктуры, выглядят оценочные суждения автора: “...выявили близость целой серии его (С. Кутба. – А.Х.) высказываний взглядам хариджитов, джахмитов и му'тазилитов, других представителей исламского разномыслия, которые давно были отвергнуты мусульманским сообществом” (с. 313). По-моему, именно “исламское разномыслие” в мусульманском сообществе и создает его живучесть, на что неоднократно указывает и сам автор. А из цитаты следует, что хариджиты, джахмиты и му'тазилиты вместе с С. Кутбом либо вовсе не являлись мусульманами, либо были “недомусульманами”. Такое не взятое в кавычки суждение вполне правомерно, например, для Совета “улама”, но не вполне корректно для научной работы.

В целом же эти придирки ни в коей мере не в состоянии умалить значимость появления монографии или принизить ее знаковую роль для российского востоковедения. Несомненно, прав М.Б. Пиотровский, отметивший, что эта книга – “введение в коранистику, значительная часть которой создана в ее сегодняшнем виде автором этой работы и в этой работе”.

Во второй части работы – “После Пророка”, состоящей из трех глав, речь сначала

А.А. Хисматуллин